

Концепт «призыв» с позиции теории речевых актов

Давид Гоциридзе, Марина Алексидзе

Конец минувшего столетия был отмечен переходом к новой научной парадигме, что обусловило вовлечение в орбиту интересов лингвистики все более широкого круга явлений, связанных с передачей и восприятием информации в современном обществе. Антропоцентристская парадигма выдвинула в качестве первоочередных задач исследование языка во всем многообразии его связей. На смену семантике и синтактике пришла прагматика, что привело к необходимости вовлечения в сферу интересов лингвистики участников коммуникации, языковые личности, которые участвуют в интерактивной деятельности, реализуют в процессе коммуникации определенные речевые интенции. За языковыми знаками стоит человек, который пытается с их помощью достичь определенной цели, вызвать соответствующую реакцию слушателей. В этой связи особую популярность приобретают новые лингвистические дисциплины - **теория речевых актов** и **лингвистическая прагматика**. Первая предлагает свою оригинальную модель коммуникативной ситуации. Наряду с такими компонентами, как говорящий, слушающий, высказывание, обстоятельства, без которых не обходится ни одна модель общения, модель речевого акта в теории речевых актов включает в себя цель и результат речевого акта. Именно подобный подход к речевому акту как к способу достижения человеком определенной цели и рассмотрение под этим углом зрения используемых им языковых средств наилучшим образом и характеризует специфику теории речевых актов. Помимо целевой программы, исследованием которой занимается указанное научное направление, особый интерес лингвистов вызывает исследование принципов употребления языка говорящим. Лингвистическая прагматика ввела в научный обиход большое количество фактов, дотоле либо отвергнутых, либо вовсе не замеченных лингвистикой. Как теория речевых актов, так и лингвистическая прагматика связаны с категорией языковой личности. Введение человеческого фактора при исследовании процессов коммуникации позволило проследить те кодовые трансформации, которые в рамках структуральной парадигмы не могли получить адекватной интерпретации.

В условиях бурного развития информационных систем динамично развивается и коммуникативная фактура. В настоящее время особое значение приобретает исследование языка во всем его многообразии связей с кодами других семиотических систем, в том числе и иконическим кодом. Подобные тексты, получившие название креолизированных, в настоящее время стали частью нашей жизни и прекрасно выполняют возложенные на них информационные задачи. Если учесть тот факт, что визуальный канал информации является наиболее действенным, то можно предположить, что подобные бифактурные и полифактурные (в тех случаях, когда можно подключить и слуховой канал информации) со временем могут вытеснить традиционные формы текста.

Междисциплинарная интерпретация концепта "призыв" представляет большой интерес, ибо данное понятие является одним из важнейших сегментов коммуникации. С одной стороны, у нас есть возможность проследить языковую форму реализации данного концепта и охарактеризовать ее с точки зрения теории речевых актов, с другой - определить текстлингвистический статус и лингвокультурологическую специфику данного явления.

Особый интерес представляет выработка новых подходов к описанию связанных с понятием "призыв" социо-лингвокультурных конструктов с привлечением, наряду с традиционными собственно лингвистическими процедурами анализа, также методов и понятий смежных областей гуманитарного знания, таких как: теория коммуникации, когнитология, психология, теория рекламы, философия и др.

Материал исследования был получен в результате анализа корпуса текстов, содержащих различные формы призыва. В качестве эмпирического материала были использованы также различного рода апеллятивные слоганы, представляющие собой креолизованные разновидности воздействующих текстов.

Исследование категориальной природы концепта "призыв" дает основание говорить о трех уровнях рассмотрения данного явления. Считаем необходимым различать "призывы - высказывания", "призывы - тексты" и «призывы комбинаторной фактуры». Данная трихотомия позволяет установить принципиальную разницу между типами "призыва". В первом случае "призыв" выступает как составная часть дискурса и интерпретируется лишь в составе последнего. Во втором случае "призыв" выступает в роли автономного изолированного сообщения и представляет собой более высокий уровень коммуникации – текст (со всеми

вытекающими из этого статуса специфическими характеристиками), а в третьем - "призыв" выступает как основа мегатекста.

В отличие от "призывов - высказываний", "призывы - тексты" относятся к текстам массовой коммуникации, представляя собой своеобразные лингвокультуемы, в которых совмещаются языковое и культурное значения.

На первом этапе своего существования "призыв" сформировался в рамках дописьменной речевой парадигмы и выступал в составе устного дискурса; на втором этапе, после создания письменности и развития различных жанров, создаются предпосылки автономизации "призыва" и его фиксации, на третьем этапе, сопровождавшемся широким развитием текстов массовой информации, происходит образование своеобразных комбинаторных вариантов, в основе которых лежит "призыв".

Таким образом, необходимо отметить, что различные "значения" "призыва" представляют собой разные стадии развития одного и того же явления.

Несмотря на то, что указанные явления диахронически взаимосвязаны, с синхронной точки зрения между ними наблюдаются значительные различия. К ранее упомянутой оппозиции "призывов - высказываний" и "призывов - текстов", с нашей точки зрения, необходимо добавить и третий противочлен - "призывы комбинаторной фактуры". От первого компонента названной оппозиции данный тип отличается тем, что представлен особой автономной коммуникативной единицей - текстом, что касается разницы между "призывом - текстом" и "призывом комбинированной структуры", то уже само название последнего подсказывает его специфику. Отметим, что "призыв" в данных единицах может комбинироваться с различными семиотическими фактурами - телеизображением, графическим изображением, музыкой (с текстом и без текста), а также их комплексом.

Как было отмечено, все указанные разновидности "призыва" представляют собой разные стадии развития одного и того же явления и отражают также стадии коммуникативной фактуры речи. В настоящей статье ограничимся рассмотрением "текстов высказываний" или "собственно призывов".

В существующих классификациях речевых актов речевой акт "призыв" не находит соответствующей интерпретации. Такой авторитетный источник, как "Русский семантический словарь" относит данное понятие к нескольким парадигмам. Так, например, "призыв" в значении

"установленное законом привлечение граждан к выполнению воинской обязанности" относится к рубрике "воинская служба: воинские учения"; "призыв" в значении "зов", содержащий просьбу или требование приблизиться" - к речевым актам, характеризующимся содержанием (сюда же входят и другие элементы данной парадигмы: "зов", "клик", "клич", "обращение", "оклик", "окрик"). "Призыв" со значением "мольба, просьба" - включен в рубрику "просьба", "пожелание", "жалоба", "требование" и соседствует с такими понятиями, как "апелляция", "благословение", "воля", "диктат", "жалоба", "настояние", "пожелание", "предложение", "претензия", "просьба", "распоряжение", "ропот", "сетование", "требование", "ультиматум", "упрашивание", "условие". И, наконец, "призыв" в значении "лозунг, обращение, в лаконичной форме выражающее руководящую идею, политическое требование", попадает в группу "печатные издания", "рукописи", "полиграфия" - под рубрику: "Одноразовые издания. Одноразовые информативные тексты". Наряду с призывами парадигму образуют такие понятийные категории, как: "анонс", "апликация", "афиша", "вывеска", "лозунг", "объявление", "реклама", "публикация", "табличка", "транспарант". Если проследить диапазон, охватываемый семантикой интересующего нас понятия, то можно констатировать наличие релевантных и иррелевантных для настоящего исследования значений. Так, например, за пределами нашего интереса остается такое значение, как "установленное законом привлечение граждан к выполнению воинской обязанности". Также малозначимым для нашей работы является значение "зов, содержащий просьбу или призыв приблизиться", хотя следует отметить, что другие интересующие нас значения возникли на базе переносного осмысления именно данной лексико-семантической единицы.

Следует отметить, что третье ("призыв" со значением "мольба", "просьба") и четвертое ("призыв" в значении "лозунг, обращение, в лаконичной форме, выражающее руководящую идею, политическое требование") значения представляют для нашей работы интерес с двух различных точек зрения. С одной стороны, они дают возможность изучить специфику "призыва" как речевого акта, а с другой – нацеливают нас на исследование лингвокультурологической особенности специфической разновидности призывного текста.

Так как лингвокультурологические и текстлингвистические аспекты не могут быть рассмотрены без определения специфики интересующего нас явления, сосредоточим свое внимание на коммуникативных особенностях "призыва" с точки зрения теории речевых актов. Для этого, в первую

очередь, необходимо выявить существенные характеристики исследуемого феномена, определить его специфику на фоне пересекающихся явлений, уточнить коммуникативные параметры, определяющие характер его включения в реальную речевую ситуацию. Необходимо также выяснить условия успешности реализации данного речевого акта, а также характер помех, возникающих в процессе реальной коммуникации. Существенную роль в исследовании данного феномена могут играть и социальные, и психологические, и этноспецифические факторы, возникающие в процессе реальной коммуникации. Учет вышеуказанных проблем дает нам возможность комплексно подойти к решению поставленной задачи и более полно охарактеризовать исследуемый концепт.

Как известно, при классификации речевых актов учитываются иллюкутивная цель, психологическое состояние говорящего, направление отношений между пропозициональным содержанием речевого акта, положение дел в мире, отношение к интересам говорящего и адресата.

Несмотря на то, что по поводу типологии речевых актов высказываются неоднородные мнения, большинство склонно выделять следующие основные классы речевых актов: репрезентативы - сообщения, акты побуждения - директивы, прескриптивы; акты принятия обязательств - комиссивы; акты, выражающие эмоциональное состояние - экспрессивы, в том числе формулы социального этикета; акты - установления - декларативы, вердиктивы, оперативы (такие, как назначение на должность, присвоение имен и званий, вынесение приговоров) и т.д.

Даже беглый взгляд на перечень указанных разновидностей речевых актов позволяет установить, что речевой акт "призыв" имеет отношение к нескольким типам речевых актов. Так, например, в призывах содержится некоторое побуждение, требование, что сближает его с директивами и прескриптивами. "Призыв" может сопровождаться особым эмоциональным состоянием, что сближает его с экспрессивами. "Призыв" содержит сему "обращение к", что сближает его с апеллятивами и т.д. В этой связи возникает необходимость отграничения "призыва" от однородных явлений и определения его имманентных характеристик.

Каковы основные семы, формирующие содержание концепта "призыв"? В процессе актуализации данного действия принимают участие, как и в классической модели коммуникации, адресант и адресат (причем типы последних характеризуются своей спецификой), которые объединены в рамках интенциональной программы. Интенция адресанта передается своеобразными языковыми средствами, конструирующими код сообщения.

В этой связи актуальным становится соотношение интенции языковой формы и ее выражения.

В структуре значения рассматриваемого понятия центральными являются сема "апелляция" или "обращение" и сема "побуждение". Как известно, указанные "концепты" представлены в соответствующих парадигмах и протипопоставлены другим элементам системы по степени интенсивности проявления действия (ср., например, "мольбу" и "требование"), по характеру распределения социальных ролей в процессе коммуникации (в зависимости от статуса коммуникантов обращение может звучать как просьба, приказ, как требование, как жалоба и т.д.)

Апеллятивное значение сближает "призыв" с речевыми актами "зов", "клик", "обращение", "оклик", "окрик". Интегральным семантическим признаком для данной группы является "апелляция с целью привлечения внимания". Для "призыва" наиболее близким по содержанию является "обращение", которое в "Русском семантическом словаре" прямо поясняется посредством лексемы "призыв": "Обращение"- призыв, речь или просьба, направленная к кому-либо" (РСС 2000: 293).

Не менее важным семантическим признаком, характерным для интересующего нас понятия, является наличие семы "побуждение". "Русский семантический словарь" включает данный концепт в рубрику: "Просьба. Пожелание. Жалоба. Требование", которая имеет внутреннюю градацию и объединяет следующие речевые акты: "апелляция", "благословение", "воля", "диктат", "жалоба", "желание", "завещание", "заклинание", "моление", "молитва", "настояние", "пожелание", "предложение", "претензия", "просьба", "распоряжение", "ропот", "сетование", "требование", "ультиматум", "условие".

Степень близости "призыва" с указанными единицами различна. Так, например, "призыву" несвойственна отрицательная установка, поэтому такие элементы парадигмы, как "ропот", "сетование", "претензия", "жалоба" прямо противоречат природе явления. "Призыв" отличается от других единиц названной системы и степенью, и характером проявления побуждения. Так, например, по степени категоричности можно выделить следующие последовательности: "пожелание" - "просьба" - "требование" - "настояние". По форме воздействия приведенную выше парадигму можно интерпретировать по принципу механизма осуществления воздействия. Последнее можно осуществить при помощи "просьбы" ("просьба", "призыв", "моление", "мольба", "упрашивание"); при помощи эмоционально- психологического давления ("ропот", "сетование",

"претензия", "жалоба"); при помощи волевого давления ("требование", "распоряжение", "ультиматум", "условие", "диктат", "воля"). Поскольку речевой акт представляет собой адресованное поведение, то огромное значение имеет следующий факт - кому адресовано действие, выраженное в речевом акте. В рассматриваемой парадигме в роли адресата могут выступить субъекты, имеющие различный социальный и внесоциальный статус. Так, например, такие формы апеллятива, как "благословение", "молитва" - обращены ко Всевышнему; "ультиматум", "требование" могут предполагать неоднородность социальных ролей, так как право требовать предполагает наличие в подобных случаях некоторого основания, как правило, выражающегося в иерархических отношениях участников коммуникативного акта. С другой стороны, иерархия коммуникативных ролей может зависеть от конкретной речевой ситуации, которая по-своему регулирует иерархию социальных ролей. Так, например, в зависимости от конкретной ситуации, "просьба", "мольба", "заклинание" могут исходить от человека, стоящего в социальном отношении выше, чем тот, к кому обращена его речь.

"Призыв" может отличаться от адресатов других речевых актов данного парадигматического ряда и в количественном отношении. Говоря иными словами, в отличие от "благословения", "заклинания" и др., "призыв" может не ограничиваться одним адресатом, а может быть обращен к широкой аудитории, к массам. С другой стороны, в роли отправителя сообщения в "призывах" может быть как частное лицо, так и социальная группа (коллектив), какая-либо политическая организация и даже правительство. В этом плане "призыв" отличается от таких элементов рассматриваемой парадигмы, как "молитва", "распоряжение", "упрашивание", "желание", "благословение", природа которых, как правило, не подразумевает коллективного адресанта.

Наряду с коммуникативными компонентами речевых актов огромное значение имеет и языковая сторона интересующего нас явления, ибо, как правило, специфика последнего выражается в специфичности языковой формы.

В русской грамматической литературе принята классификация предложений по различным коммуникативным параметрам: по цели, по выражаемой модальности, по наличию/отсутствию актантов и т.д. При первом приближении, исходя из семантики рассматриваемого явления, как нам кажется, "призыв" следует соотнести с категорией побудительных предложений. При подобном подходе учитывается интенциональная

программа данного речевого акта, для которого значение "побуждения" является центральным. С другой стороны, мы учитываем то обстоятельство, что побуждение может выразиться и косвенно, что требует дополнительного исследования пересекающихся явлений.

Мы учитываем тот факт, что "призыв" является лишь одной из многочисленных форм побуждения. Это дает нам основание говорить об отсутствии однозначной корреляции с типами побудительных предложений.

Как известно, форма синтаксического побудительного наклонения обозначает волеизъявление, направленное на осуществление чего-либо и включающее комбинации повеления со значением пожелания, требования и т.д. Для настоящей работы важным является то, что значение лица исполняющего (за исключением отдельных частных случаев) в синтаксическом побудительном наклонении не является составным элементом значения. Специалисты объясняют это положение тем, что противопоставления, в которые входит синтаксическое побудительное наклонение, конкретизируются значениями объективно-модального наклонения неопределенно и предстают в отвлечении от реального временного плана.

Сказанное имеет отношение к коммуникативной организации речевого акта "призыв", который может иметь сложную синтаксическую организацию. В русской грамматической традиции принято деление синтаксических структур, реализующих побудительную интенцию, на две основные группы: а) предложения, в структуру которых входит спрягаемая форма глагола, и б) предложения, в структуру которых не входит спрягаемая форма глагола. Данная оппозиция релевантна и по отношению к интересующему нас явлению. Следует отметить, что структурные модели, представленные в синтаксическом арсенале побудительных предложений, неоднородны по своей коммуникативной значимости. Говоря иными словами, есть структуры, не выходящие за рамки интерперсональной коммуникации, есть структуры, детерминированные стилем общения и социальными стереотипами, и т.д.

Как мы отметили выше, необходимо различать "призывы-высказывания" и "призывы - лингвокультуремы". При описании структур данных явлений нас интересует не только синтаксическая сторона, но и коммуникативная, предполагающая неоднородность социальной интеракции актантов.

В группе предложений, в структуру которых входит спрягаемая форма глагола, для "призыва" актуальны следующие конструкции: 1) структура при подлежащем со значением второго лица побудительного наклонения и спрягаемым глаголом в форме второго лица единственного или множественного числа морфологического повелительного наклонения ("Иди!", "Идите!" и т.д.); 2) структура, образуемая постановкой спрягаемого глагола в форме совместного действия при подлежащем (выраженном или невыраженном) со значением первого лица множественного числа ("Пойдемте!", "Давайте веселиться!" и т.д.); 3) комбинация синтаксических частиц "пусть", "пускай", "да" и спрягаемого глагола в форме третьего лица единственного или множественного числа ("Пусть всегда будет мир во всем мире!", "Да свершится правосудие!"); 4) сочетание формы на -л спрягаемого глагола, заключающей в себе определенный или неопределенный субъект, и частицы "чтоб" ("Чтоб я тебя больше не видел!", "Чтобы все были равны!").

Значение побуждения связано также с формами прошедшего времени таких глаголов, как "начать", "кончить", "пойти", "поехать", "полететь", "взять", "взяться" в сочетании с соответствующей интонацией ("Поехали!", "Пошли с нами!", "Кончили разговорчики!", "Начали!", "Пошел отсюда!").

Среди предложений, в структуру которых не входит спрягаемая форма глагола, актуальны следующие структуры:

1) сочетание латентного подлежащего со значением второго лица единственного или множественного числа и служебного глагола "быть" в форме второго лица повелительного наклонения ("Будь всегда рядом!"), а также глагола "стать" ("Стань нужным стране!");

2) комбинация латентного подлежащего в первом лице множественного числа и служебного глагола "быть" в форме совместного действия ("Будемте людьми!", "Не будемте ханжами!");

3) соединение первого лица множественного числа с сочетанием "давайте быть" ("Давайте быть великодушными!");

4) сочетания "пусть будет", "пусть буду", "пусть будешь", "да будет", "да буду", "да будешь" в однокомпонентных предложениях именного и наречного классов ("Да будет камнем камень, да будет болью боль!", "Пусть будет больше дров!", "Пусть станет много новоселий!");

5) конструкцией "пускай (пусть) не будет" и "да не будет" + родительный падеж ("Пускай не будет бедных!", "Да не будет ни одной незасеянной полосы!");

6) структура, образуемая введением служебного глагола "быть" в форме на – л и частицей "чтоб" ("*Чтоб было больше света!*");

7) конструкцией "чтоб не было" ("*Чтоб впредь не было этого!*");

8) соединение одной из синтаксических частиц "пусть", "пускай", "чтоб" с исходной формой инфинитивного, именного, наречного, а также двухкомпонентных подлежащно-сказуемых предложений ("*Пускай позор, пускай острог!*", "*Пусть опять и чудо мне, пусть и мука мне!*"). (Русская грамматика II 1980:356).

Помимо форм повелительного наклонения, как известно, "призыв" может быть выражен средствами императивной интонации, которая сопровождает самые разнообразные высказывания: "*Сюда!*", "*Быстрее!*", "*Тише!*", "*На плоты!*", "*Молчать!*", "*Огонь!*", "*Чаю!*", "*Хлеба и зрелищ!*", "*Тишина!*"

В грамматической литературе принято деление синтаксического побудительного наклонения на четыре варианта выражения волеизъявления: 1) собственно побуждение; 2) побуждение в сочетании с пожеланием; 3) побуждение в сочетании с должествованием; 4) побуждение в сочетании с допущением. Некоторые из этих частных значений имеют дальнейшую семантическую дифференцию. Помимо этого у побудительного наклонения, как известно, сформулировались такие переносные значения, в которых связь с побудительностью ослаблена или утрачена.

Значение собственного побуждения может конкретизироваться, как известно, как требование, просьба, совет, увещевание, мольба. Все оттенки в грамматике не могут быть исчислены, так как они не имеют специальных формальных средств своего выражения ("*Штык - работай, бомба - бей!*").

Значение побуждения в сочетании с пожеланием ("*Хочу, чтобы...*") чаще всего обнаруживается в построениях с частицей "пусть" ("пускай") ("*Пусть живут в моем сердце мечта и тревога!*")

Значение побуждения в сочетании с должествованием ("*должно быть так, чтобы...*") также может быть свойственно формам (кроме формы с "чтоб"): 1) когда самим содержанием сообщения исключено наличие как индивидуального волеизъявления, так и конкретного исполнителя индивидуальной воли ("*Пусть это вас не беспокоит!*"); 2) когда контекст указывает на необходимость, целесообразность того, о чем сообщается, а конкретный исполнитель либо устранен ("*Да не будет ни одной незащепленной полосы!*"), либо представлен как "долженствующий субъект" ("*Пусть Рыков даст экзамен по строительным нормам и правилам!*").

Значение побуждения в сочетании с допущением, принятием, [согласен с тем, что (чтобы)] свойственно преимущественно конструкциям с формами "пусть", "пускай" ("*Пусть буду я лгун!*"), "*И пусть приходит старость!*").

Наблюдаются случаи, когда форма побудительного наклонения позволяет развивать переносные значения, в которых сама эта побудительность оказывается ослабленной. Так, в лингвистической литературе приводятся примеры, когда: 1) ослаблено значение побудительности во встречающихся в художественной речи употреблении формы побудительного наклонения для обозначения одновременного с чем-нибудь и независимого действия ("*А вода, вода теки!*"); 2) при употреблении формы побудительного наклонения для оценочного обозначения действия с чем-то связанного или чем-то обусловленного ("*Наше дело прокукарекать, а там хоть и не рассветай!*").

Способы выражения побудительных значений, которые лежат в основе языковых манифестаций "призыва – высказывания", универсальны, однако следует отметить, что данное значение, помимо регулярных реализаций, может выражаться и косвенными речевыми актами, а также комбинированными креолизованными текстами.

Анализ показывает, что речевой акт "призыв" имеет свои структурные схемы реализации и свою ролевую партитуру. Для создания целостной картины попытаемся дать системную характеристику данного явления.

Концепт "призыв", выполняющий апеллятивную функцию (реализуемую с помощью императивного и вокативного компонентов значения), мы характеризуем как функцию с однонаправленным сообщением. Роли говорящего и слушающего при реализации данного речевого акта строго распределены между участниками, и обмена этими ролями в процессе речевого акта не происходит: говорящий только говорит, слушающий только слушает. Назначение "призыва" заключается в побуждении к выполнению (или невыполнению) действия. Ожидаемая говорящим реакция слушающего на подобное высказывание состоит в том, чтобы слушающий выполнил каузируемое действие. "Призыв"- это не только сообщение о желании адресанта, чтобы адресат выполнил определенное действие, но и попытка каузировать его выполнение адресатом.

Концептообразующими элементами являются не только участники данного коммуникативного акта, но и их отношение друг к другу и к каузируемому действию. Каузация может исходить либо от адресанта, либо

может быть ответной реакцией на инициативу слушающего. С другой стороны, исполнения каузируемого действия может желать либо говорящий, либо слушающий. В каждом конкретном речевом акте говорящий может ставить себя либо выше, либо ниже слушающего. Вслед за В.С. Храковским и А.П. Володиным, обозначим импульс каузации (зависимость от источника каузации) индексом А, а индексами А₁ - импульс каузации, исходящий от говорящего, А₂ - импульс каузации, исходящий от слушающего (Храковский, Володин 2001). Индексом Б обозначим заинтересованность; Б₁ - это исполнение каузируемого действия в интересах говорящего, а Б₂ - исполнение каузируемого действия в интересах слушающего; индексом В обозначим субординацию, В₁ обозначает случай, когда говорящий ставит себя выше слушающего, а В₂ фиксирует отношение, когда говорящий ставит себя не выше слушающего. Число возможных сочетаний равно семи, их можно изобразить в виде таблицы, приведенной на следующей странице.

По набору классификационных признаков "призыв" совпадает с "просьбой", хотя в определенных случаях может трансформироваться в "приказ", в "инструкцию" или "предложение", в зависимости от конкретной ситуации общения.

Классификационные признаки и их значения			
импульс каузации	заинтересованность	субординация	
А ₁	Б ₁	В ₁	Приказ
А ₁	Б ₁	В ₂	Просьба
А ₁	Б ₂	В ₁	Инструкция
А ₁	Б ₂	В ₂	Предложение
А ₂	Б ₂	В ₁	Разрешение
А ₂	Б ₂	В ₂	Совет
А ₁	Б ₁	В ₂	Призыв

3. Концепт "призыв" можно интерпретировать и в рамках семантической парадигмы на фоне единиц, объединяющихся на основе интегральных сем - "обращение" или "побуждение". Именно сочетание указанных двух значений и определяет специфический характер "призыва", который отличается от других элементов микрополей степенью и характером проявления побуждения, спецификой распределения

социальных ролей и, что самое важное, - комбинаторикой апеллятивного и побудительного значений.

4. Речевой акт "призыв" не укладывается в рамки традиционных классификаций и соотносится с несколькими типами речевых актов. В "призывах" содержится побуждение, что сближает его с директивами и прескриптивами. В "призыве" содержится сема "обращение к кому-либо", что сближает его с апеллятивами. С другой стороны, "призыв" может сопровождаться особым эмоциональным состоянием, что сближает его с экспрессивами. Несмотря на сложность однозначной квалификации "призыва", доминирующим оказывается следующий набор признаков: "обращенность с просьбой" и "каузация соответствующей реакции". Выдвижение одного из этих признаков на передний план сближает речевой акт с соответствующей группой речевых актов.

5. Являясь речевым актом, "призыв" предстает перед нами как способ достижения определенной цели со своей системой используемых для этого языковых средств. Локутивной основой "призыва" являются формы побудительного наклонения, семантика которых тесно связана с интересующим нас речевым актом. Помимо случаев, когда языковая форма речевого акта "призыв" и его интенциональная программа изоморфны, реализуясь формами побудительного наклонения, имеются случаи, когда "призыв" может выражаться другими, косвенными речевыми актами (см. различные структуры типа "что - кому" ("*Праздник - детям!*", "*Миру - мир!*") и др.

Некоторые косвенные речевые акты, содержащие интенцию призыва, обнаруживают тенденцию превращения в прямой речевой акт. При наличии стандартной ситуации, которая в результате конвенционализации становится знаковой, форма, в которой реализуется косвенный речевой акт, тоже может стандартизироваться и приобрести статус прямого речевого акта.

6. Интерпретация интересующего нас явления позволила разграничить три возможные трактовки рассматриваемого "концепта". Первая связана с пониманием "призыва" как особого речевого акта, реализующего соответствующую интенциональную программу и имеющего фиксированную в языковом сознании языковую форму. Вторая трактовка связана с пониманием "призыва" как особой лингвокультуремы, а третья - с его осмыслением как сложного межсемиотического образования. Подобный подход позволяет выявить в анализированном явлении аспекты, связанные с национально-культурной спецификой концепта.

Категориальная природа концепта "призыв" включает в себя аспекты, связанные с теорией речевых актов, однако этим не исчерпывается суть данного явления. Как известно, теория речевых актов представляет собой лишь одну, частную разновидность теории коммуникации, не выходящую за пределы "высказывания". Тем временем само "высказывание" представляет собой лишь минимальную единицу дискурса, поэтому испытывает огромное влияние последнего. В частности, это может проявляться в том, что целевая программа участников коммуникации может быть детерминирована широким контекстом, выходящим за пределы ситуации, когда совершается высказывание. Многие случаи непонимания обусловлены незнанием широкого контекста. Этим можно объяснить также трудности, возникающие у третьего лица, когда он подключается к беседе и реагирует лишь на синхронное высказывание.

Сказанное подтверждает наше соображение о необходимости рассмотрения данного "концепта" в более широком контексте, на фоне которого мы сможем дополнить характеристику интересующего нас явления новыми нюансами значений.

Библиография

РСС 2000 – Русский семантический словарь, т. I – II, с. 293

Храковский, Володин 2001 – Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. М., 2001.

Русская грамматика II 1980:356 - Русская грамматика, том II. Москва: Наука, 1980, с. 356.